

Раз в жизни повезло

Р. Г. Назиров

Наш журнал редко что-то перепечатывает, мы предпочитаем оригинальные материалы, но эта статья, кажется, достойна републикации, тем более, что малодоступна. Один из первых сотрудников «Ленинца» (ныне — «Молодёжной газеты») Р. Г. Назиров вспоминает о начальных временах работы редакции. Сказанное в этом материале многое проясняет в биографии автора, хотя ставит и довольно много новых вопросов, отчасти они обозначены в примечаниях.

За указание на этот текст мы благодарны Р. Р. Вахитову.

Молодежная газета, заменившая прежний «Ленинец», предложила мне поделиться воспоминаниями о первом коллективе, создававшем эту газету в далекие 50-е годы. Только из чувства благодарности к моим старым товарищам я берусь за перо¹. Заранее прошу прощения у тех, кого не назову: я пишу не подробные мемуары, а фрагмент — что подскажет «память сердца».

Газета «Ленинец» родилась на волне хрущевской оттепели. Я начал в ней печататься в 1954 году, еще будучи студентом филологического факультета Башкирского пединститута². Я опубликовал в ней несколько театральные рецензии³. Когда Рамиль Хакимов, мой сотоварищ по студенческому литкружку, окончив институт, стал заведовать в редакции «Ленинца» отделом литературы и искусства, мне стало вольготнее в этом шумном и веселом доме. Редакция помещалась тогда на улице Сталина (ныне Коммунистическая), между Домом офицеров Советской Армии и магазином «Гастроном». В какие-то из летних каникул я, еще студент, проработал в течение месяца в «Ленинце» на временной ставке: летом все хотели в отпуск, людей не хватало.

Комсомольско-молодежной газете позволялась известная раскованность. Ее делали люди, влюбленные в свою работу. Жили дружно, хотя случались и споры, и ссоры, и скандалы. Наши взаимоотношения были окрашены естественным демократизмом молодости и некоторой богемностью⁴, характерной для всех журналистов мира.

¹ Не очень понятно, почему Назиров подчёркивает, что у него нет иных мотивов. Не хочет писать воспоминаний, потому что скептический относится к этому жанру? Сами воспоминания о том времени доставляют ему неудовольствие?

² Назиров учился в БашГПИ им. Тимирязева с 1953 по 1957.

³ Одна из студенческих рецензий Назирова републикована в Назиров Р. Избранные рецензии. Уфа, 2011. С. 5–6.

⁴ Нельзя не вспомнить фразу из автобиографии Назирова: «В молодости вёл несколько богемный образ жизни, но продолжал читать, а также выступал в местной печати со статьями о литературе и искусстве». Назировский архив. 2013. № 1. С. 138.

В 1957 году я окончил институт и уехал учительствовать в деревню. Тем временем в редакции «Ленинца» произошли перемещения, Рамиль Хакимов стал заместителем редактора, и в отдел литературы и искусства пригласили меня. Шло лето 1958-го года.

Редактором газеты был Ремель Дашкин, обладавший врожденными организаторскими способностями и журналистским чутьем. В ту эпоху любой редактор был слугой обкома партии, но Дашкин ухитрялся в то же время оставаться неплохим профессионалом. Он взял на себя как бы роль буфера между обкомовским диктатом и журналистской вольницей. Конечно, редакционную политику определял обком, но Дашкин был гибким тактиком, умел использовать инициативу журналистов, собрал ярких людей. Умел он и распечь, разругать, часто бывал резок, но ему случалось и заступаться за журналистов перед властью⁵.

Ядром коллектива была горстка старших журналистов, прошедших Отечественную войну. У фронтовиков был и небанальный опыт и своеобразное внутреннее достоинство. Среди них выделялись Виталий Туманов, человек золотой души, внутренне очень чистый, и Петя Печищев, добродушный голубоглазый здоровяк, которого жизнь долго баловала. . . Самым старшим был наш фотокорреспондент Лутфулла Исакович Якупов, которому довелось воевать в составе легендарной Башкирской дивизии. Он был человеком тяжелой судьбы, но очень добрым и честным. Меня мальчишку 24-х лет, как-то тянуло к этому пожилому, уже большому человеку; да и он ко мне очень хорошо относился, как и все уфимцы, знавшие трагическую историю моей семьи⁶.

Несколько позже моим другом стал еще один пожилой человек — Иосиф Герасимович Залызин, выпускающий нашей редакции. Это был человек огромного обаяния и дружелюбия, лучший вариант русского национального характера. Когда-то он был членом партии, но какой-то мерзавец донес, что в ности Иосиф пел в церковном хоре; за сокрытие этой биографической детали его исключили из КПСС. Залызин научил меня практической верстке газеты и философскому отношению к жизни.

Видную роль в редакции играл крупный мужчина с вечной папиросой в зубах — Евгений Бирюков. Он был общим любимцем и героем бесчисленных анекдотов. Писал он живо, но безграмотно, его приходилось очень сильно править, и он на меня злился, но в целом мы с ним тоже сдружились. Этот шумный жизнелюбец был источником бодрости для всех, энергия в нем была ключом. Он и художник Валентин Моджин были первыми озорниками в редакции, хотя шутили и смеялись у нас все. Такие люди, как Бирюков, — сокровище для любой газеты, они задают высокий жизненный тонус коллективу. И он же первым ушел от нас — в 1970 году умер от рака легких в возрасте 44-х лет.

⁵Проблема противостояния человека и власти для Назирова, очевидно, стала ключевой к последнему десятилетию жизни. Этот антагонизм не прослеживается в его дневниковых записях 1950–60-х годов. В то же время у Назирова заметен интерес к фигуре диктаторов, вылившийся в обширную эссеистику.

⁶Отец Назирова Гаффан Шамгунович был репрессирован в 1938 году. В дальнейшем это оказало серьезное влияние на жизнь будущего литературоведа, так, судьба отца не позволила ему поступить в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена в 1952 году.

В маленьком журналистском братстве «Ленинца» важную роль играли женщины⁷. Мне иногда кажется, что душой редакции была Люся Филиппова, статная красавица с сияющей улыбкой, отчасти «комсомольская богиня», отчасти просто хороший товарищ. Стихийное нравственное начало в Люсе не было испорчено идеологией. Я свидетельствую, что в комсомоле было немало людей, искренне веривших в добро⁸. И вообще я отвергаю нынешнюю пропагандистскую глупость, будто в советскую эпоху весь огромный народ был начисто оторван от нравственных традиций. Нет, у нас было много наивности и много товарищества, взаимопомощи, любви.

И вторая женщина, которой я восхищался, была не столь эффектная внешне, но исключительно одаренная Нина Михайлова. Она изредка публиковала в нашей газете изящные бытовые новеллы, поразительные по своей психологической точности и лиризму. У Нины был абсолютный вкус, как бывает у музыкантов абсолютный слух. Я понял тогда, что женский ум, женская врожденная эстетичность в некоторых отношениях превосходит мужскую силу интеллекта. Нина Михайлова была лучшей стилистом того коллектива.

Самой доброй из наших женщин был круглощекая, милая Нина Шестерова. А по возрасту мне ближе всех была черноглазая девушка с фигурой спортсменки — Венера Гареева, с которой мы на всю жизнь остались друзьями. И еще добавлю, что тот коллектив наглядно внушал нам чувство полного равенства: Флюра Гатина, молодая девушка, в течение ряда лет курьер редакции, была полноправным членом нашего коллектива. Любого, кто у нас пытался задирать нос, тут же одергивали. И очень повезло нас в том смысле, что главой парторганизации у нас была Женья Герасимова, человек весьма порядочный.

Писать я учился у всех, но журналистом меня сделал Володя Крупин. Он при мне стал заместителем редактора и сыграл в истории газеты большую роль. Дело в том, что его отец был всего-навсего управделами ЦК КПСС. Должность эта не столь приметная, но страшно важная. В семье Крупиных хранился первый посмертный четырехтомник Сергея Есенина (1926–1927 гг.) с дарственной надписью Крупину-старшему от Климента Ефремовича Ворошилова. Однажды, когда Володя еще работал в редакции «Советской Башкирии», кто-то позвонил ему и попросил передать поздравление с днем рождения. «А что сказать, кто звонил?» — «Шолохов». — «Какой Шолохов?» — «Михаил Александрович», — раздраженно ответил абонент.

Володя Крупин был отпрыском кремлевской элиты, и Башкирский обком партии за ним ухаживал. А в то же время Володя был фанатиком газеты, журналистом по призванию. Нам крупно повезло. Кремлевские связи помогали Крупину делать очень многое для газеты «Ленинец». После «Комсомольской правды» мы стали первой в СССР молодежной газе-

⁷Уважение к фигуре женщины — важная часть когнитивной модели Назирова. Ср. данные по художественным текстам: «В художественном мире Назирова уважение к женщине — важный этический маркер, испытание, которое проходят герои и не проходят их противники» Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник. Уфа, 2011. С. 34.

⁸Эта же мысль хорошо прослеживается и в малой прозе Назирова. См. Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник. Уфа, 2011.

той большого формата — или, как тогда выражались, формата «Правды». Под незримым покровительством ЦК КПСС «Ленинец» мог себе позволить кое-какие вольности и эксперименты. Газета была живой, из года в год наращивала тираж и стала самой популярной в Башкирии.

Однажды в августе меня послали в командировку в село. Когда начиналась уборочная кампания, освещать ее бросали всех, кто был под рукой. Я объездил несколько колхозов, простоял два часа рядом с комбайнером на работающем комбайне (вместе и пообедали общим сухим пайком); моя белая рубашка, естественно, стала черной. Вернувшись, я прямо с поезда поехал в редакцию. Крупин спросил: «Есть материал?» — «Есть», — и я показал полный блокнот. Я просил один вечер, чтобы написать репортаж. Но Крупин и слушать не захотел. Он приказал сесть мне рядом с машинисткой Лидой, лучшей в нашем машбюро, и прямо с блокноа диктовать ей репортаж, сочиняя сразу из карандашных записей. Как только импровизированный репортаж был отпечатан, Крупин надписал на нем «В номер!» и заслал в набор. Вот тогда я понял, что такое настоящая журналистика. Это прежде всего быстрота, оперативность информации. Наша родимая печать и по сей день к этому не привыкла.

Сам я писал много и бойко, меня ценили за легкий слог, но моим главным четолубием было открывать и печатать новых поэтов. То это были стихи, присланные из армии солдатом Марселем Гафуровым, то свежие, диковатые стихи студента Газима Шафикова, то беспутного, но очень талантливого Эдика Година, то Стаськи Суцевского⁹. Я пытался спасти замечательного поэта Женьку Тареева, но он спился и пропал. Кому-то я помог в жизни. . . не все удалось.

А потом золотое наше братство распалось. Уехал в Москву Крупин, уехали на Дальний Восток наш милый Туманов и Нина Михайлова, уехал славный Чашков, ушел в газету МВД Женья Бирюков, даже получил офицерское звание, но там не удержался. В редакцию пришли новые люди — одни хорошие, другие похуже. Кончилась оттепель, кое-кто начал делать карьеру на политической бдительности. Я ушел в другую газету, а потом и вовсе расстался с журналистикой, став аспирантом Московского университета. Однако моя недолгая школа журналистики (три года) очень мне пригодилась. Умение четко и быстро выражать свои мысли помогло в научной карьере. Кроме того, журналистика отучает от ложного пиетета перед литературным творчеством. Я эту кухню видел изнутри, я знаю, как из срочности задания, из горячих впечатлений, из напряженной работы ума и капельки вдохновения рождается литература. Я понял, как Достоевский после каторги, пройдя через пятилетие активной журналистики, перестроил свой стиль.

Молодежная газета была первой большой школой жизни. Она дала мне несколько друзей, большинство которых уже умерло или исчезло, но остались мои друзья Равиль Гареев,

⁹Любопытно, отметил ли сам Назиров, что в этом ряду следуют друг за другом имена его собственных сыновей Эдуарда и Станислава? Учитывая, что открытие молодых поэтов — почти отеческая позиция, это может быть е случайным, хотя и не похоже на назировский стиль работы с текстом.

Лиля Перцева, Венера Карамышева (Гареева), Эдвин Нуриджанов и некоторые другие,
с которыми меня всегда связывает сияние нашей общей далекой молодости.

Молодежная газета, 8 февраля 1996

